

А. А. ВОЙТЕНКО

**«Эта молодая сила достойна большего уважения,
нежели то мракобесие, что идет из-за Вашей спины»
Письмо А.П. Смирнова к Г.П. Федотову**

Публикация письма искусствоведа А.П. Смирнова к известному представителю русской эмиграции Г.П. Федотову снабжена введением и комментариями. Письмо, написанное во время заграничной командировки Смирнова осенью 1928 г., является важным источником, поскольку, определяет «линии разлома» между той частью дореволюционной интеллектуальной элиты, которая осталась в советской России, и той, которая предпочла эмиграцию. Письмо также важно для исследования некоторых вопросов, связанных с публицистическим наследием Г.П. Федотова.

Ключевые слова: А.П. Смирнов, Г.П. Федотов, архивы русской эмиграции

В архиве Георгия Петровича Федотова, хранящемся в Бахметьевском фонде Колумбийского университета (США), находится интересное, но, насколько нам известно, еще не опубликованное письмо к нему Алексея Петровича Смирнова¹. Письмо содержит небольшую сопроводительную записку, написанную, вероятнее всего, вдовой Г.П. Федотова, Еленой Николаевной, готовившей его архив для передачи в фонд: «2 письма, осень 1928 г. Алексей Петрович Смирнов. Товарищ Г.П. Федотова по СПб Университету. Специалист по истории церкви, повернувшийся, как и многие ученые в те годы к арх(е)ологии. Пишет из заграничной командировки. В письме чувствуется большое отталкивание от эмиграции и Европы, вера в будущее России и стремление домой. В 1929 году осуждена (sic! – А.В.) по процессу А.А. Мейера (кружок «Воскресенье»), который судя по письму он давно перестал посещать. Умер в ссылке». Как указано в записке, в фонд передавалось два письма, однако одно из них, более раннее, разыскать не удалось.

Вероятно, Федотов был знаком со Смирновым еще со студенческих лет: оба были учениками известного российского медиевиста и специалиста по поздней Античности Ивана Михайловича Гревса. Однако, если круг научных интересов Федотова формировался вокруг истории поздней латинской Античности и галльской церкви периода Меровингов, то Смирнов, вторым учителем которого был известный историк византийской церкви Иван Дмитриевич Андреев, выбрал для себя область визан-

¹ Bakhmetev Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University, New York. G. Fedotov Papers (Ms Coll Fedotov). Box 1. Smirnov, Aleksei Petrovich. Rome & Naples, 17 Sept. & 5 Oct. 1928. To Georgii Petrovich Fedotov 2 a.l.s. Мы выражаем искреннюю благодарность доктору философских наук И.В. Голубович (Одесса), предоставившей нам фотокопию этого письма, а также хранителю Бахметьевского архива Татьяне Чеботаревой.

тийского и древнерусского искусства. Второй раз судьба свела их в кружке «Воскресение», который оказал очень сильное влияние на взгляды Федотова в его эволюции от марксизма к богоискательству².

Смирнов написал и опубликовал немного³: вероятно, основной его стезей (как это видно из письма) была музейная работа и преподавательская деятельность. Письмо к Федотову написано в период командировки Смирнова в Италию и Грецию⁴. Начало их переписки на основе публикуемого письма установить несложно. Первое письмо Смирнов посылает Федотову из Рима 17 сентября 1928 г., случайно узнав там адрес Богословского института в Париже⁵. Федотов ему отвечает, и Смирнов пишет ему уже второе письмо, из Неаполя, которое мы и публикуем. Ответил ли Федотов на него, и как дальше сложилась их переписка неизвестно.

Письмо интересно по нескольким причинам. Прежде всего, оно проводит четкую грань между людьми «одного круга» – интеллектуальной элитой дореволюционной России, часть которой, добровольно или по принуждению оказавшись за пределами родины, уверовала в «особую миссию» русской эмиграции и «особое ее призвание», другая – к ней и относился Смирнов – не покинула бы Россию ни при каких обстоятельствах. В статье «Зачем мы здесь?», посвященной русской эмиграции, Федотов формулирует свое видение этой особой миссии:

«Все, что доносится оттуда (из СССР. – А.В.), ни в какой мере не стоит в уровень с запросами грозного века. <...> И вот нам здесь, за рубежом, выпала высокая честь и бремя подать голос России – бросить его хотя бы в пространство, в пустоту (где ничто не пропадает). Чтобы этот голос был чистым и не обманул того, кто через пространство и время его поймает на неведомую антенну, наш голос должен быть свободен. Свободен от всякой оглядки на мнимое «общественное мнение», на призрачные «массы», на несуществующую ответственность. <...> У нас нет ответственности, кроме как перед Богом и своей совестью. Мы не знаем, какие выводы будут сделаны из нашей правды. Не знаем и не должны знать. Редко в истории мысль имела право на такую свободу: право, завоеванное последней нищетой, бездомностью, изгнанием»⁶.

Смирнов придерживался иной точки зрения: «Не так живи, как хочется, а как Бог велит».

Вторая мысль, которая служит радикальным водоразделом – отношение к пореволюционному политическому режиму в России. Для

² Сложный вопрос о воцерковлении Г.П. Федотова, который в свете последних публикаций (см. напр., Янцен 2014. С. 85-89) видится несколько по-иному, чем было принято полагать ранее, мы оставляем за рамками нашей публикации.

³ Смирнов 1926; 1928. Подготовлено к печати: «Что такое скараник»; «Литературные следы композиции распятого ангела в искусстве христианского средневековья Востока и Запада»; «Деревянный резной поставец для креста в собрании АИМК» // <http://bioslovhist.history.spbu.ru/component/fabrik/details/1/1091-smirnov.html>

⁴ Состоялась ли его поездка в Стамбул, как он планировал, нам неизвестно.

⁵ Пока не ясно, знал ли Смирнов, что Федотов в то время преподавал в институте.

⁶ Федотов 1935. С. 444.

русской эмиграции, кроме, может быть, немногочисленных евразийцев, он был абсолютным злом⁷. И Федотов, естественно, не являлся исключением. Смирнов смотрел на это совершенно по-другому: «Трудны наши условия жизни, трудно наладить духовную культуру – но разве мы знаем все будущие ее пути – но всё же там в России, несмотря на злостные ошибки идет, идет новое». Вероятно, именно поэтому он не воспользовался своей заграничной командировкой как вполне «законным» и проторенным путем для того, чтобы остаться на Западе. При этом следует помнить, что в 1925 г. Смирнов уже был арестован и отправлен в ссылку, и только благодаря ходатайству Н.Я. Марра и вмешательству друзей в Омске его сняли с этапа и вернули в Ленинград⁸.

Смирнов ни в коем случае не разделял популярного в перестроечные годы мнения о том, что в эмиграцию после 1917 г. уехал исключительно «цвет русского общества». В этом он был близок к Федотову, которому уже в Париже пришлось наблюдать процесс полного разложения «белой идеи», когда непримиримые противники демонстрировали удивительное сходство в подходах. В одной из статей Федотов писал:

«Мы видим сейчас, как дух ленинского имморализма оживает в стане реакции. <...> Люди убеждены, что низость и жестокость средств является прямой гарантией успеха. Чем гнуснее, тем надежнее. “Мы не слоняты. Для нас перевешать 2-3-5 миллионов – плевое дело”. Так растут у пня поваленного Белого движения ядовитые грибы новой всероссийской чеки»⁹.

Однако их радикально разделяло другое. Федотов, как и вся неравнодушная часть русской эмиграции, пытался, находясь за пределами России, постоянно генерировать идеи, проекты, «смысль», которые, как им казалось, смогут вылечить ее от большевизма, указать верный путь политического развития и т.д. Смирнов видит в возвращении «бывших» всех мастей гораздо большее зло, чем существующий в России на тот момент политический режим, и формулирует это прямо и недвусмысленно:

«Я вижу для русского народа большую опасность от Вашего возвращения – не лично Вашего, Георгий Петрович, <...> – а вот всего, что за Вами, рядом с Вами, а главное, что на Ваших плечах может вернуться к власти. <...> Все же эта молодая сила достойна большего уважения, нежели то мракобесие, что идет из-за Вашей спины».

Не менее интересны вопросы Федотова к адресату. На основе ответов Смирнова можно предположить, что, помимо интереса к деятельности «Воскресения» и его членов, Федотов спрашивал своего бывшего товарища о политической обстановке в СССР и, вероятно, о ее оценке Смирновым. Как известно, живя в Париже, Георгий Петрович пытался

⁷ В данном случае речь идет о 20-30-х гг. XX в.

⁸ См. http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/no_dbpath/ans/nm/

⁹ Статья «Февраль и октябрь», впервые опубликованная в 1937 г., в номере 23 журнала «Новая Россия». Цит. по: *Федотов* 1988. С. 100.

анализировать внутреннюю и внешнюю политику СССР второй половины 20-х – начала 40-х гг., результатом чего явились его многочисленные публицистические статьи. Однако вопрос, на каких источниках он строил свой анализ, не то что не исследован, но, насколько нам известно, пока не поставлен. Вместо этого предлагаются сентенции об «обостренной исторической интуиции» Федотова, о «пророческой традиции русской философско-исторической мысли» или общие слова о «блистательном анализе» Федотовым предвоенной ситуации в СССР¹⁰. Все эти «фигуры речи» профессиональному историку малоинтересны, а фраза про «блистательный анализ» вообще не выдерживает критики. Ее автор ссылается на статью «Торопитесь!», где Федотов пишет о возможности и даже необходимости политического переворота в СССР накануне войны. Нет нужды говорить, что высказывать мысль о возможности свержения Сталина накануне войны – значит показать свое незнание реальной обстановки в стране на тот момент¹¹. Кстати, в этой же статье Федотов пишет о том, что режим Сталина не способен победить немецкую военную машину¹²: в данном случае «обостренная историческая интуиция» явно его подвела.

Тем не менее, очевидно, что Федотов живо интересовался происходящим в СССР и использовал каждую возможность, чтобы побольше узнать об этом у своих бывших знакомых, прибывших «оттуда». Вероятно, их сведения и оценки, наряду с другими источниками, служили ему материалом для размышлений и анализа. Сам Федотов ясно осознавал ограниченность своих источников и «дедуктивность» своего метода:

«Россия окутана для нас густым туманом. У нас нет прямых свидетельств о ее внутреннем состоянии. Вернее, эти свидетельства противоречивы и приходят с таким запозданием, что мы не можем обойтись без дедукций в суждениях о ее сегодняшнем дне. О глубочайших процессах, совершающихся в России, мы вынуждены судить, как химик о присутствии мельчайших частиц элемента по реакции, вызываемой им, или астроном о невидимом небесном теле по производимой им пертурбации»¹³.

¹⁰ См. напр., Янцен 2014. С. 600; Бычков 1996. С. 35.

¹¹ Однако вопрос, откуда у Федотова (или шире – у какой-то части русской эмиграции) взялась вера в саму возможность такого переворота, не изучен.

¹² «В перспективе близкой войны и готовящегося раздела России нельзя не видеть, что режим тоталитарного террора, установленный Сталиным, означает почти неизбежное поражение». Федотов 1988. С. 212. Статья впервые была опубликована в № 60 «Новой России» в 1939 г. К слову сказать, не одаренная «обостренной исторической интуицией» соратник Федотова по «Православному делу» мать Мария Скобцова ни секунды не сомневалась в победе СССР над нацизмом. – см. Гаккель 1992. С. 195.

¹³ Статья «После выборов», впервые опубликована в № 38 «Новой России» в 1937 г. Цит. по: Федотов 1998. С. 165. Одним из источников для анализа Федотовым событий в СССР было критическое чтение советских газет, прежде всего, «Правды» (там же. С. 91, 101, 107-108). Но не только. Например, он посвящает целую статью анализу писем женщины из советской России, опубликованных в «Современных записках» (там же. С. 44-48).

Наконец, в письме Смирнова высказывается одна мысль, которая была повторена Федотовым более чем десять лет спустя. Это идея о необходимости наднациональной интеграции Европы как единственного средства избежать в будущем войн на этом континенте. Смирнов высказал эту идею еще в 1928 г. А в своей статье 1939 г. Федотов писал так:

«Задача не в том, чтобы уничтожить главного агрессора и ждать, вооружившись до зубов, нападения очередного агрессора. Задача в том, чтобы окончательно уничтожить бандитизм в Европе, установить в ней твердый мир – порядок, обеспеченный законом, закон, обеспеченный властью, власть, обеспеченную силой. Другими словами, Европа должна найти свое сверхнациональное политическое единство, если вообще она хочет и может жить»¹⁴.

Но, отталкиваясь от этой идеи, Федотов в своем анализе идет дальше и указывает, что, скорее всего, интеграция Европы будет происходить не в рамках «совершенно добровольной организации сверхнационального общения», а как «гегемония держав-победительниц». Представляется, что здесь он был не далек от истины в своем политическом прогнозе¹⁵.

Смирнов, как видно из его письма, выбрал для себя путь «срединного человека»: приводимые им сравнения с Аббадоной и милостивым блудником ясно на это указывают. Вероятно, полностью отойдя от всякого «кружковства» и никак не участвуя в политике, он сосредоточился на музейной работе и преподавательской деятельности, искренне полагая, что тем самым сможет принести больше пользы своей стране, чем через открытое диссидентство или «внутреннюю эмиграцию». Преподавание в нескольких местах и работа в музее давали повод для сдержанного оптимизма. Но его судьба сложилась трагически, поэтому строки из письма о том, что ему «определенно хочется в Ад», сейчас выглядят почти злоеще. Примерно через год после публикуемого письма Смирнов был арестован по делу о «Воскресении», признан виновным как «активный участник к/р церковно-монархической организации «Воскресение», занимавшейся а/с деятельностью (с момента зарождения первой группы организации в декабре 1917 г. и до ее ликвидации)», осужден на три года концентрационных¹⁶ лагерей и умер от сыпного тифа в тюремной больнице в Кемском пересыльном лагпункте на Поповом острове 10 марта

¹⁴ Статья «Гегемония и федерация» впервые опубликована в № 74-75 «Новой России». Цит. по: Федотов 1988. С. 276.

¹⁵ При этом, он полагал, что «гегемония англо-французская не страшна для свободных народов, хотя, конечно, и она не может быть бескорыстной и для всех равно справедливой» (Федотов 1988. С. 278). В публицистике Федотова подчас сочетаются трудносочетаемые вещи: интересный и глубокий (хотя часто и небеспорный) анализ с наивной и непоколебимой верой в «западные демократии» или, например, с убежденностью в том, что возможно избежать имморализма в политике.

¹⁶ Переименование концентрационных лагерей в исправительно-трудовые состоялось несколькими днями позже (27.06.1929) вынесения приговора А.П. Смирнову (22.06.1929).

1930 г. Как свидетельствуют материалы дела, он не признался в принадлежности к «Воскресению», «сообщивши, что ему не было известно, что собрания, на которых ему приходилось участвовать в квартирах Половцевой¹⁷ и Смотрицкого¹⁸, устраивались какой-либо организацией»¹⁹. О причинах его отказа признать свое участие в кружке мы, вероятно, уже не узнаем. Сохранились воспоминания друга Смирнова еще с университетских лет и его товарища по лагерному несчастью Николая Петровича Анциферова об оглашении приговора и последних дней его жизни²⁰. Они придают «человеческое измерение» сухим строчкам из материалов дела. Судя по этим воспоминаниям, Смирнов держался стойко и, будучи уже на Соловках, не терял присутствия духа, иронического и критического настроения. «Ибо слишком тяжел путь», – как писал он бывшему товарищу.

Вот как вспоминает Анциферов свою последнюю встречу с другом:

«В лагере вспыхнула эпидемия сыпняка. Многие из сослуживцев сделали ее жертвами. <...> Словно в утешение мне, в Кемь прибыл мой друг А.П. Смирнов <...>. Вечер приезда Смирнова мы провели у Бахтина²¹, который жил в рыбацкой слободе за мостом над рекой Кемью. Бахтин читал гимны смерти Баратынского:

В руке твоей олива мира,

А не губящая коса...

...Ты всех загадок разрешенье,

Ты разрешенье всех цепей.

В тот вечер мысли о смерти не смущали трех друзей, полных сил и волнующих надежд. Смерть не казалась страшной. Гимны Баратынского были нам по душе. А у дверей уже одного из нас ждала избавительница от всех цепей...

Я предложил Смирнову как знатоку старого русского искусства (до ареста он был хранителем отдела иконописи Русского музея) пройтись со мною по тому месту, где на мысу стояла старая деревянная церковь. Мы медленно обошли ее кругом, вспоминая много нас связывающего и радуясь тому, что мы опять вместе. Алексей Петрович был восхищен архитектурой церкви. Мы расстались, не подозревая, что это были последние часы нашей испытанной дружбы. На другое утро я с ужасом узнал, что А.П. экстренно направлен в больницу на Попов остров. Через 2 дня его не стало»²².

В публикации мы постарались сохранить особенности оригинала. Тем более, что это было не так сложно: письмо написано уже в поре-

¹⁷ Половцева Ксения Анатольевна (1886/87–1946), активный участник кружка «Возрождение», художник-график и архитектор. В 1915–1917 гг. была секретарем совета Санкт-Петербургского религиозно-философского общества.

¹⁸ Смотрицкий Павел Фомич (1876–1934), художник, ученик И.Е. Репина, участник кружка «Воскресение». С 1923 г. члены кружка собирались на квартирах Половцевой и Смотрицкого.

¹⁹ http://www.pstbi.ccas.ru/bin/db.exe/no_dbpath/ans/nm/

²⁰ Анциферов 1992. С. 336-337, 342-343.

²¹ Имеется в виду Всеволод Владимирович Бахтин (1901–1951), историк-медиевист, также участник «Воскресения».

²² Анциферов. 1992. С. 342-343.

форменной орфографии. Расшифровка сокращений дана в треугольных скобках, наша конъектура – в квадратных. Поскольку страницы оригинала не пронумерованы, они даны в круглых скобках. Публикация также снабжена комментариями в тех случаях, которые представлялись нам необходимыми для лучшего понимания смысла текста.

(л.1.) Неаполь, птн. 5 X 1928 г.

Дорогой Георгий Петрович,

Насколько приятно и радостно было получить от Вас известие, настолько трудно мне сейчас Вам ответить, и не только потому, что мне по нутру пришелся южный климат – всё, знаете, хвораю – так что и роскошный археологический пир радует не до конца – иногда приходится целые дни высидывать дома – что всё вместе взятое замедлило мой ответ, но и кое-что поважнее. Как жаль, что мы сравнительно так поздно списались. Вашего адреса я не знал и случайно узнал в Риме уже – а я уже больше месяца за границей – адрес мон<астыря> Сергия, на который и рискнул – оказывается очень удачно – направить Вам свой первый призыв, и очень доволен успехом. Но вот ответить Вам на многочисленные Ваши вопросы, для меня дело очень трудное – конечно, о многом хотелось бы поговорить лично, но, увы, мой маршрут иной (Италия – Греция – и, если турки дадут визу, К<онстантино>поль; в Питере они мне, злодеи, не дали) и уже скоро из ближайшего к Вам соседства (Италия) я переправляюсь на Восток, т.е. 13⁰⁰ из Мессины выезжаю в Афины, куда и прошу Вас очень [написать], если только все дальнейшее, о чем я поневоле кратко скажу сейчас, не заставит Вас махнуть на меня рукой, как на человека пропавшего, только прошу Вас не делайте этого и напишите мне в Афины, ибо здесь (л.1об) едва ли меня Ваше письмо застигнет, ибо я в бродячем движении с 2^x и однодневными остановками. За этим предисловием к главному. И оно отчасти задержало мой ответ на Ваше письмо, которое я получил еще 3 дня тому назад. Те обильные и большие вопросы, которые Вы в них затронули, прошлись по очень глубоким моим ранам, о которых Вы, конечно, не знали. Я их от Вас скрывать не стану, но мне хотелось бы, чтобы Вы меня поняли до конца. Так мне просто не под силу в письме изложить все мотивы, причины и внешние условия, благодаря которым у меня в последние 2-1½ года сложилась такая обстановка жизни, что я почти стал «отшельником», отошел и от того дела, которое так волнует Вас, судя по вопросам, которые Вы мне задаете, отошел от «воскресенья»²³ настолько, что теперь даже не знаю, что там делается, куда оно направляется, но мне кажется, что те из братьев его, что исповедовали самым решительным образом исконный лозунг единения, приняли там ту же жертву церкви, что и Вы. Знаю, что Вы меня и «своим человеком» считаете через воскресенье²⁴, но, увы, я остался Абадонной или тем приятным к столбу свободы между раем и адом человеком, что [изображали] на иконах страшного Суда древние наши иконописцы. И такое положение,

²³ Так в оригинале.

²⁴ Так в оригинале.

разумеется, никаких преимуществ не дает и не дает никакого (л.2) удовлетворения, становится все более и более нестерпимым и мне определенно хочется в Ад²⁵. То, что я вижу здесь, что случайно слышу или читаю о России, пугает меня и толкает домой. Несмотря на их диктатуру, у них больше прав на свободу, у них можно ее получить, да, быть может для моих эгоистических целей, неконфессиональной трактовки религиозных вопросов. Второе же, я вижу для русского народа большую опасность от Вашего возвращения – не лично Вашего, Георгий Петрович, – ох, как бы я Вас хотел обнять на улицах Питера! – а вот всего, что за Вами, рядом с Вами, а главное, что на Ваших плечах может вернуться к власти. Трудны наши условия жизни, трудно наладить духовную культуру – но разве мы знаем все будущие ее пути – но всё же там в России, несмотря на злостные ошибки идет, идет новое. Сказать, чтобы это новое было мне особенно приятно – не могу, но, во-первых, не так живи, как хочется, а как Бог велит, а затем, все же эта молодая сила достойна большего уважения, нежели то мракобесие, что идет из-за Вашей спины. Конечно, в Вашей консолидации около м<онастыря> Сергия имеются кое-какие симпатические черты, но я не уверен, что этим путем церковь в России удержится. Слишком иные нас ценности прельщают. Нам нужна плоть (л. 2об) и бодрая, немного критически и иронически относящаяся даже к самым важным проблемам настроенность, ибо слишком тяжел путь. Лично я даже готов отказаться даже от русской идеи, если бы только нашлась для Европы какая-либо такая общеевроп<ейская> идея. Я не против Европы, но против обильных ее государственностей – это какой-то рецидив феодализма. Нужно найти что-то общеевропейски понятное. Ибо без этой предпосылки здесь дальше можно строить только военные снаряжения... и национальная идея один из видов его.

Вот мой ответ на Ваши вопросы, он несколько сумбурен – признаю, он не на все вопросы отвечает по пунктам, но мне кажется, он все их содержит в себе.

Из Ваших статей видел только об интеллигенции, но хотел бы прочесть и другие. Пришлите мне их в Афины, да пришлите кстати и Ваш адрес.

Ваш А. Смирнов

Жена и сын здравствуют, остались в Ленинграде. Е.Н. привет и передайте ей, что о В.П. Герман²⁶ ничего не сумею сказать. Повторяю, в течение 1½ года кроме Музея и своих студентов на лекциях никого не видел.

Комментарии:

адрес монастыря Сергия – имеется в виду подворье св. Сергия в Париже на рю дё Криме, рядом расположен Богословский институт, где в то время преподавал Г.П. Федотов.

отошел от «воскресенья» - «Воскресение» – религиозно-философский кружок, созданный в конце 1917 г. по инициативе А.А. Мейера и К.А. Половцовой и просуществовавший до 1928 г. В него входили представители творческой интеллигенции, которые ранее были членами Религиозно-философского общества и составляли, главным образом, его «левое» крыло, идеологическим преемником которого и принято считать «Воскресение». Состав участников был очень неоднородным. Е.Н. Федотова писала об этом так: «Три протестанта, две католички, перешедшие из православия, несколько некрещенных евреев и, в большинстве, православных по рождению и мирозерцанию, но пока стояв-

²⁵ Так в оригинале.

²⁶ Возможно, В.Н. Герман.

ших вне таинства»²⁷. Собрания кружка были как правило не многолюдными (10-12, иногда 20 человек), но всего за 1917–1920 гг. его заседания посетили около 150 человек. Среди них были и известные имена: Н.В. Пигулевская и ее муж Г.В. Пигулевский, А.В. Карташев, И.В. Гревс, С.А. Алексеев-Аскольдов, пианистка М.В. Юдина и др. Активным членом «Воскресения» был Г.П. Федотов. Сохранились воспоминания еще одного участника кружка, Н.П. Анциферова, об атмосфере его заседаний²⁸. Состав и структура кружка менялись, часть его участников (например, Анциферов или Смирнов) во вт. пол. 20-х гг. отошли от него, часть (А.В. Карташев, Г.П. Федотов, С.С. Безобразов) эмигрировали. В 1928–1929 гг. в качестве обвиняемых по делу «Воскресения» проходило 70 человек.

исконный лозунг единения — Большинство участников «Воскресения» на ранних этапах его существования скептически относились к Православной церкви, считая, что в ней нет условий для для свободного развития христианских идей. Они искали истину на путях объединения христианства (в широком понимании) и социализма, надеясь на эволюционное изменение политического режима в России. Одной из задач, которые ставили перед собой участники кружка, было не допустить уничтожения христианской культуры.

приняли там ту же жертву церкви, что и Вы — фраза не ясна нам до конца. Но, скорее всего, речь идет о принятии крещения некоторыми членами «Воскресения» (если они не были крещены) или о возвращении их в Церковь, даже если внутренне (как Федотов) они были не во всем согласны с некоторыми положениями церковной практики или даже православного вероучения. Возможно, возвращение в Церковь было мотивировано ее положением: присоединение к гонимой Церкви было делом совсем иным, чем возвращение в Церковь господствующую²⁹.

я осталась Абадонной — Аббадон или Аввадон, греч. Аполюон (Ἀπολλύων): в иудейской и христианской традиции демон разрушения и смерти. В Ветхом Завете Аввадоном именуется одна из областей [шеола](#). В Откровении Иоанна Богослова (Откр. 9:7-11) «Аввадона» уже персонифицирован и указан как «ангел безды» и повелитель жуткой по своему внешнему виду саранчи, посланной «вредить людям пять месяцев». Однако Смирнов, судя по всему, делает отсылку к романтической традиции в толковании образа Аббадона, берущей свое начало, вероятно, с «Мессиады» Ф.-Г. Клопштока. Здесь Аббадон показан как падший ангел, раскаявшийся в своем падении, признавший в Христе мессию и поэтому помилованный. Такое же толкование образа Аббадона можно найти в одноименном стихотворении В.А. Жуковского (1815), представляющего собой, по сути, вольный перевод эпилога «Мессиады». Возможно, Смирнов использует образ Аббадона, чтобы показать свое «срединное» положение между людьми, вернувшимися из «Воскресения» в Церковь, и атеистами. Но нельзя исключать и другого смысла: Смирнов, как свидетельствует содержание письма, может указывать на свою «срединность» и в политическом смысле, т. е. о том, что он и не с русской эмиграцией и не с большевистской властью.

привязанным к столбу свободы между раем и адом человеком — имеется в виду так называемый милостивый блудник. Рассказ о нем, вероятно, восходящий к греческой версии из византийского синаксаря, помещен в «Пролог» под 12 августа. Там говорится, что во времена императора Льва Исавра (VIII в.) в Константинополе жил богатый человек, который щедро раздавал милостыню, но при этом пребывал в блуде. Его посмертная судьба была открыта одному затворнику: богач оказался привязан между адом и раем и горько рыдал. На его плач явился ангел и пояснил ему, что благодаря милостыне его избавили от адских мук, но он лишен райских блаженств, так как не оставил прелюбодеяния. Фигура милостивого блудника появляется на русских иконах и фресках с изображением Страшного Суда, начиная с XVI в. Очевидно, что Смирнов использует сравнение себя с милостивым блудником в том же смысле, в котором он использует сравнение с Аббадоном.

²⁷ Федотова. 1988. С. XII.

²⁸ Анциферов. 1992. С. 323-325.

²⁹ На это, в частности, указывает Е.Н. Федотова применительно к тем евреям из кружка, кто принимал крещение — см. Федотова. 1988. С. XVII.

мне определенно хочется в Ад – вероятно, в этой фразе содержится скрытая аллюзия на частое в среде русской эмиграции (ставшее почти публицистическим «топосом») сравнение жизни в советской России с пребыванием в аду. Следующая фраза из письма также на это указывает.

из Ваших статей видел только об интеллигенции – вероятнее всего, речь идет о статье Г.П. Федотова «Трагедия интеллигенции», впервые напечатанной под псевдонимом «Е. Богданов» во втором номере журнала «Версты» (Париж, 1927).

Е.Н. привет – речь идет о Елене Николаевне Федотовой (урожденной Нечаевой), жене Г.П. Федотова. Как свидетельствуют воспоминания Анциферова, Смирнов был знаком с ней еще со студенческих лет.

о В.П. Герман ничего не сумею сказать – вероятно, речь идет о Вере Петровне Герман (1902?–1942), дочери известного педагога П.А. Германа. Она была осуждена по делу «Воскресения» и приговорена к 3 годам лагерей. Освобождена в декабре 1931 г.

кроме Музея и своих студентов на лекциях — имеется в виду Русский музей, где А.П. Смирнов работал в отделе древнерусского искусства, с 1922 г. – помощником хранителя. Там он подготовил несколько выставок. В это же время он преподавал на факультете общественных наук (ФОН) Ленинградского университета, где с 1924 по 1928 г. читал курс «Памятники византийского искусства». Помимо этого, с 1923 г. он состоял преподавателем на Государственных курсах при Российском институте истории искусств.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. статья, составление, прим. и аннотированный указатель имен А.И. Добкина. М.: Феникс-культурная инициатива, 1992.
- Бычков С.С. Георгий Петрович Федотов (биографический очерк) // Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 т. М.: Мартис, 1996. Т. 1: «Абеляр» и статьи 1911-1925 гг. С. 5-50.
- Гаккель С., прот. Мать Мария. Париж: Ymca-Press, 2-е изд., 1992.
- «Если Вы находили, что моя мысль неприемлема для журнала, Вы должны были сказать мне при первом чтении»: Г.П. Федотов (публикация, вступит. статья и прим. В.В. Янцева) // «Современные записки» (Париж, 1920-1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубь. М.: НЛЮ, 2014. Т. 4. С. 593-638.
- Смирнов. А.П. Время появления имени Тамарха в византийской литературе: Тезисы докладов // Бюллетень № 2 Конференции археологов в Керчи. Керчь, 1926. С. 2.
- Смирнов А.П. Памятники византийской живописи: Краткий путеводитель. Л., 1928.
- Федотов Г. Зачем мы здесь? // Современные записки. Париж, 1935. Т. 58. С. 433-444.
- Федотов Г.П. Защита России. Париж: Ymca-Press, 2-е изд., 1988.
- Федотова Е.Н. Георгий Петрович Федотов (1886–1951) // Федотов Г.П. Лицо России. Сборник статей (1918–1931). Париж: Ymca-Press, 2-е изд., 1988. С. I-XXXIV.
- Яцен В.В. Неизвестные страницы биографии Г.П. Федотова в США // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. Том 15. Вып. 3. 2014. С. 79-93.

REFERENCES

- Antsiferov N.P. Iz dum o bylom: Vospominaniya / Vstup. stat'ya, sostavlenie, primechaniya i annotirovannyj ukazatel' imen A.I. Dobkina. Moskva: Feniks-kul'turnaya iniciativa, 1992.
- Bychkov S.S. Georgii Petrovich Fedotov (biograficheskij ocherk) // Fedotov G.P. Sbranie sochinenij v 12 tomach. Moskva: Martis, 1996. T. 1. S. 5-50.
- Gakkel S. Mat' Mariya. Paris: Ymca-Press, 2-e izd., 1992.
- «Esl' Vy nachodili, chto moya mysl' nepriemlema dlya zhurnala, Vy dolzhny byli skazat' mne pri pervom chtenii»: G.P. Fedotov (publikaciya, vstupil'naya stat'ya i primechaniya V.V. Janzena) // «Sovremennye zapiski» (Paris, 1920-1940). Iz archiva redakcii / Pod redakciej O. Korosteleva i M. Shruby. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. T. 4. S. 593-638.
- Smirnov A.P. Vremya poavleniya imeni Tamarcha v vizantijskoj literature: Tezisy dokladov // Bulletin' № 2 Konferencii archeologov v Kerchi. Kerch', 1926. S. 2.
- Smirnov A.P. Pamyatniki vizantijskoj zhivopisi: Kratkij putevoditel'. Leningrad, 1928.
- Fedotov G. Zachem my zdes'? // Sovremennye zapiski. Paris, 1935. T. 58. S. 433-444.

Fedotov G.P. Zashita Rossii. Paris: Ymca-Press, 2-e izd., 1988.

Fedotova E.N. Georgii Pertovich Fedotov (1886–1951) // Fedotov G.P. Litco Rossii. Sbornik statej (1918–1931). Paris: Ymca-Press, 2-e izd., 1988. S. I-XXXIV.

Janzen V.V. Neizvestnye stranicy biografii G.P. Fedotova v SShA // Vestnik Russkoj christianskoj gumanitarnoj akademii. 2014. T. 15. Vypusk 3. S. 79-93.

Войтенко Антон Анатольевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН, cesras@cesras.ru

“This young force is worthy of more respect than the obscurantism that is behind you”. Alexei Smirnov's letter to Georgy Fedotov

Publication of the letter by a Russian historian of art, Alexei Smirnov, to one of the most famous figures of Russian emigration, Georgy Fedotov has a detailed introduction and commentaries. The letter was written during Smirnov's trip abroad in the autumn of 1928 and determines some “fault lines” between one part of the pre-Revolutionary intellectual elite, which had remained in Soviet Russia, and the other that had chosen to emigrate.

Keywords: Alexei Smirnov, Georgy Fedotov, the archives of the Russian emigration

Anton Voytenko, PhD, Russian Academy of Sciences, Center for Egyptological Studies, Leading Researcher, cesras@cesras.ru